

Илья Портнягин

*Не кончается
даль*

Стихи

**Русское эхо
2018**

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
П 60

Портнягин И.О.

П 60 Не кончается даль: Стихи. — Самара: Творческое объединение «Русское эхо», 2018. — 64 с.

ISBN 978-5-9908540-2-4

«Не кончается даль» — первая книга сызранского поэта Ильи Портнягина. В своём творчестве он следует лучшим традициям отечественной литературы с её вниманием к прошлому, настоящему и будущему России. В то же время с ним неразлучны размышления о смысле жизни, темы природы, любви, дружбы и другие, не оставляющие равнодушными не только любителей поэзии.

ISBN 978-5-9908540-2-4

© Портнягин И.О., 2018
© Русское эхо, 2018

И Бог ему попутчик!

Разучатся ли когда-нибудь русские люди любить берёзы и разговаривать с собственной совестью? Судя по стихам сызранского поэта Ильи Портнягина, этого в ближайшем будущем не произойдёт. И слава Богу, честно сказать.

То, что нравственный закон поставлен Ильёй во главу угла в творчестве (да уверен, что и в самой жизни!), — несомненно. На фоне нынешних модных стихотворцев, щеголяющих беспредельным цинизмом и открытой русофобией, его книжка и впрямь напоминает русский берёзовый островок в безбрежном океане высокорослых ядовитых, оцетинившихся чужих растений.

*Есть иные дороги,
Есть иные пути.
Только б вынесли ноги,
Чтоб до дома дойти.*

Дойдёшь, Илья! Потому что точно знаешь, где твой дом.

И умеешь любить. И не стыдишься говорить о своей любви.

С Богом!

Евгений Чепурных

ДОЖДЬ

Маме

Пузыри на лужах раздувают щёки.
Мы идём, накрывшись стареньким плащом.
На босые ноги смотрим через щёлки,
Мокрая погода вовсе нипочём.

Дождик всё сильнее, гром басит сердито.
Отвечает эхо где-то за рекой.
Небо на осколки молнией разбито.
Ты меня покрепче обняла рукой.

Луж уже не видно, всё сплошным потоком
Катится в низину под седой лопух.
И в большой воронке, в вальсе одиноком
Сам с собой кружится тополиный пух.

Пролетело время быстро, без возврата.
Тополя намного стали выше крыш.
Но идут сквозь годы под дождём куда-то
Молодая мама и её малыш.

СОН

Мне десять лет, и я бегу босой
Вдоль озера по скошенному лугу,
Покрытому холодной росой.
Мы с солнцем улыбаемся друг другу.

Мне от его улыбки горячо.
Но встречный ветер, распахнув рубаху,
Струёй прохладной трогает плечо
И наполняет лёгкие с размаху.

Простор бескрайний вдаль меня зовёт.
Бегу вперёд, и места нет покою...
Вот надо мною облако плывёт.
А я могу закрыть его рукою!

Закрывать пытаюсь и тянусь, тянусь
И вместе с ним куда-то уплываю.
...Я в этот сон ещё не раз вернусь
И в детстве хоть чуть-чуть, но побываю!

ЗАПАХ ЭПОХИ

Нафталиновый запах ушедшей эпохи.
Как приятно опять мне тебя вспоминать!
У вполне молодых ностальгия во вздохе —
Та, которую юным пока не понять.

Дым апрельских субботников, в небо взмывая,
Был сигналом, что к севу готова земля,
А потом — демонстрация Первого мая.
По Советской — колоннами — и до Кремля.

От медалей рябило в глазах: День Победы!
Ветераны плясали в толпе под гармонь.
И, слезы не стесняясь, нестарые деды
Долго-долго смотрели на Вечный огонь.

Поменялось давно имя Родины нашей
Нерушимый Союз рухнул — нет и следа.
Только бабушкин шкаф, нафталином пропахший,
Не забыть никогда, не забыть никогда.

Не забыть и пиджак воевавшего деда —
Тот, что в этом шкафу тяжелел от наград.
Дед пиджак надевал иногда в День Победы,
Но стеснялся всегда в нём идти на парад.

СОЛДАТ

Шёл солдат домой четыре года.
Сквозь дожди он шёл и сквозь пургу.
Не искал спасительного брода,
А искал погибели врагу.

Рыл траншеи и копал окопы.
Точно знал — придёт и наш черёд.
Путь врага обратно до Европы
Будет проще, чем вчера вперёд.

И, конечно, до Берлина гнали,
У реки зловещей есть исток.
Вы как будто Бисмарка не знали:
Не ходите больше на Восток!

Шёл солдат четыре долгих года
Не в обход, а только по прямой.
Он один лишь уцелел из взвода
И пришёл с Победою домой!

ВОСПОМИНАНИЯ ШТРАФНИКА

В штрафную роту мы попали не вчера
И этих гадов без бинокля ночью видим.
За это нас так ненавидит немчуря,
Что мы её ещё сильнее ненавидим.

Мы — как собаки до охоты: без еды.
Хотя и после, если честно, жрать охота.
Но тонко чуют фрицев гнусные следы
Не помешает нам соседнее болото.

Нам из оружия положен только спирт,
Вот, правда, смелым с ним ни холодно ни жарко.
У тех, кто выжил, голова потом болит,
А тем, кто пал, он — словно мёртвому припарка.

Душить фашистов будем голою рукой,
Горячим сердцем понимая, что мы правы.
Пусть в аду они найдут себе покой,
Откуда нет в мире иные переправы.

И вот в атаку нам пора себя поднять,
Сняв с отрешённости тугой предохранитель.
Глазам своим опять поверить и понять,
Что не одни мы — с нами наш безмолвный зритель.

Стоит старуха с нержавеющей косой.
Как заржаветь, когда металл всегда при деле —
Пропитан кровью, словно свежую росой?
Ряды врага и наши тоже поредели.

Но тут затишье пережить сложнее вдвойне.
Ведь ты не знаешь, что ещё там враг предпримет.
А чтоб героями мы стали на войне,
Заградотряд нас пулемётами поднимет.

И встанут все, кто хоть чуть-чуть ещё живой.
Друзьям и Богу наконец-то улыбнутся.
Простятся мысленно и с мамой, и с женой,
В смертельный бой уйдут и больше не вернуться.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Мы на марше, нас гложет безжалостно ночь.
Чуем взгляды врагов, что прикикли к прицелам.
Разминуться со смертью здесь каждый не прочь.
Все, кого ни спроси, и в деталях, и в целом.

Наша рота сто раз искупалась в крови,
Командир новобранцев запомнить не может.
Вместо имени слышит он просто: — Живи!
И за месяц им век уж, наверное, прожит.

По цепочке кричат: — Лошадей не жалеть!
Ждать сигнальной ракеты, плевать на усталость!
И в живое вгрызается чёрная плеть,
Как война в нашу жизнь — ту, что дома осталась.

Нам — вперёд, мы навек проложили маршрут.
Вместо посоха есть пулемёт с автоматом,
А потомки поздней по крестам нас найдут
И поклонятся всем неизвестным солдатам.

ЗНАМЁНА

России

Вновь развеваются врагов твоих знамёна.
Опять в глазах твоих восточных вижу грусть.
Ведь так давно ты всех их знаешь поимённо
И все желания их помнишь наизусть.

Не научили их минувшие столетья,
Что бесполезно приходить к тебе с мечом.
А твой народ такие знает междометья
С какими войны и невзгоды нипочём.

Гремят надрывно из-за моря барабаны,
Артподготовки из претензий и угроз.
Вовсю работают словесные тараны,
И оправданьем служит свастике склероз.

Не забывай! Как прежде, помни поимённо
Всех, кто опять готов пойти войной на Русь.
И если вновь придёт пора сжигать знамёна,
В глазах врагов увидишь западную грусть.

ДОРОГА

Как объяснить мятущейся душе,
Что человек — лишь хрупкое создание,
Согбенное под тоннами клише
Рождённых им себе же в оправданье?

Бредёт порою он в крошечной тьме
По лабиринтам времени и места,
Жонглируя кошмарами в уме,
Боясь того, что лишь ему известно.

Стремясь увидеть где-то вдалеке
Пусть не свет, хоть искорку в надежде,
Что, бросив всё, помчится налегке
Туда, где никогда он не был прежде;

Стремглав, забыв про всё и навсегда,
Не чуя ног, не глядя на дорогу.
И убедится вдруг через года,
Что он всю жизнь искал дорогу к Богу.

ПО-РУССКИ

Всё по-русски, всё с Богом.
Зацелованный крест.
Всем забытым дорогам
Поперёк переезд.

Есть иные дороги,
Есть иные пути.
Только б вынесли ноги,
Чтоб до дома дойти.

Всё прошло, всё уплыло —
И эпоха, и век.
Что так смотришь уныло
На себя, человек?

А твоя ли дорога?
А с душой ты не врозь?
Не по-русски — без Бога.
Не поможет авось!

ИСТОРИЯ

С трудом оберегая, враз губя,
Презрев размер и толщину укрытий.
История подмяла под себя
Очередную порцию событий.

Куда спешит её локомотив
Качая в такт событиям вагоны?
Кому гудком выводит свой мотив,
Забыв про полустанки и перроны?

Пронзая бытиё и без преград,
Нарушив все законы и уставы,
Колёсами считая стыки дат,
Года сцепляет в длинные составы.

Сквозь вереницу войн и катастроф,
Спасая сотни, убивая тыщи,
Туда летит, где нет уже костров
И смерть живёт на стылом пепелище.

Пускай спешит, но только не туда,
Где некому уже служить обедни,
Где друг на друга налетят года,
Войдя в тупик у пропасти последней.

ЗОВ

Я чувствую, как одеваешь в латы
Мой крепкий стан, любимая земля.
По-матерински, как всегда, права ты,
Призвав не всех в защитники Кремля.

А только тех, кто в зове не нуждался,
Но точно знал, куда и с кем идти.
Кто за чужие юбки не держался,
Кому всегда с Россией по пути.

Не слушая всех голосов снаружи,
Прислушиваясь только к своему,
Уверены и знаем — точно сдюжим,
Но не в ущерб ни сердцу, ни уму.

Враги стоят, как звери, наготове.
И рядом с ними больно не зевай.
Им в этот раз не хватит малой крови,
Им кровь и смерть побольше подавай.

Не стоит нам потворствовать злословью,
Где даже Хиросима — просто тир.
А кто уж обойдётся малой кровью
Тот и подарит Миру новый мир.

КАЗАК

Степь бескрайняя тянется, тянется,
Казаку — как родная она.
И ковыль не устал в пояс кланяться:
Причесали его стремена.

У служивого конь цвета чёрного.
Да такой, что вовек не сыскать.
Приглядишься — в нём есть жилка чёртова,
Чтоб от смерти сумел ускакать.

Казаку и коню очень хочется
Пережить эти смутные дни.
Если сабли с подковами сточатся,
Кузнеца уж отыщут они.

А пока им обоим так верится,
Что объедут проклятую смерть.
Слишком хлопотно силами мериться.
Разве только в глаза посмотреть.

ДАЛЬ

Пойду, посмотрю, где кончается даль.
Ведь что-то за ней начинается снова.
Узнать я хочу заодно, не туда ль
Спускаются солнце и месяц-подкова.

Пешком по дурманяще-свежей траве
Наполненной летним теплом и покоем.
Иду я с кузнечиком на рукаве,
Пусть будет легко нам в дороге обоим.

Гнездо под ногами случайно найду
И, птаху спугнув, извинюсь я сердечно:
— Прости, дорогая, я дальше пойду.
Крылом та в ответ мне помашет, конечно.

И бабочки будут порхать надо мной
Затмив пестротой неуклюжесть движений.
И сосны у речки вдруг встанут стеной,
Любуясь в воде красотой отражений.

Как всякий охотник, желая постичь
Куда же фазан ненароком садится,
А также иная пернатая дичь,
Неплохо б на радуге мне примоститься.

С неё бы увидеть, где бродят ветра,
Услышать шум волн у родного причала.
Ну, хватит мечтать, мне в дорогу пора,
Пойду, посмотрю, где у дали начало.

У РАСПУТЬЯ

Кто-то камень украл, у распутья стоявший.
Всё, наверно, пойдёт не по плану теперь.
Потеряет нашедший, найдёт потерявший.
Никогда не бывает совсем без потерь.

Повернул — будь готов тут же с чем-то расстаться.
Только к смерти бывают прямые пути.
Ежедневно приходится очень стараться,
Чтоб опять безопасней дорогу найти.

Да идти, повторяя её повороты.
Спотыкаться и падать, и снова вставать.
Но в горячем бреду сознавать, где и кто ты.
Да и просто хоть что-то ещё сознавать.

Вот тогда будут цели понятны, как слово.
Вот тогда будет ясен, как небо, урок.
Каменьюку украл, видно, кто-то и снова
На другое распутье её уволок.

СОВЕСТЬ

Я никогда не думал, что про это
Кому-нибудь когда-нибудь скажу.
В потёмках, наугад, почти без света
По лабиринтам совести брожу.

То спит она спокойно, безмятежно,
Ничем свою не выдавая суть.
А то проснётся и кольнёт небрежно,
Так, что потом уже и не уснуть.

Бывает, тихим шёпотом мурлычет:
Мол, ты не прав, приятель, посмотри.
А чаще пальцем в грудь упорно тычет —
В районе сердца. Правда, изнутри.

Не стоит в ночь такую торопиться:
Пускай и совесть не смыкает век.
Но если с ней сумел договориться, —
Бессовестный ты, значит, человек.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Что молчишь ты, мой внутренний голос?
Неужели так плохи дела?
Снова мысль на тебя напоролась
И прошла, закусив удила.

Иль обидел тебя ненароком?
Иль хвалой до небес превознёс?
Время вышло всем датам и срокам.
Хоть бы слово — в ответ на вопрос.

Без тебя ни домой, ни в дорогу,
Ни закончить, ни снова начать...
Ну не стоит, не стоит, ей-Богу,
Так упрямо и долго молчать.

Отзовись, потолкуем любезно,
Подскажи, как родного прошу.
Только вижу: просить бесполезно.
Лучше совесть пойду разбужу.

СПУСТЯ ГОД

После событий на майдане

Год прошёл. Ну и что? Только хуже
Всей Европе, куда ни взгляни.
Ремешки затянули потуже:
Мы — чуть-чуть, посильнее — они.

Им и нам неудобно и больно,
Будто в тесной обувке идём.
Может, хватит, ребята, довольно?
Мы друг друга впотьмах не найдём.

Каждый русский нечаянно чует
Запах пороха, холод клинка.
С нами опыт веками кочует
И ошибки не сделал пока.

Почему всем с Россией так тесно?
Почему все хотят навредить?
Почему же они, интересно,
Не боятся медведя будить?

ПСЫ

Ветер лает, и носят собаки
Эту весть в самом центре и вне.
Метят всех не замеченных в драке,
Не испачканных в этой войне.
И кусают, кусают, кусают
Всех в пределах погранполосы.
Им не кости, а трупы бросают,
Но не брезгают грозные псы.
Ни живым и ни мёртвым покоя
В эти чёрные дни не сыскать.
Осознав, что же это такое,
Вряд ли будут грехи отпускать.
Кровь невинных уж льётся рекою,
Кровопою манит алчных собак.
Но хозяин их вялой рукою
Не оттащит от пойла никак.
Им напиться возможно едва ли,
Всё вокруг принимают в штыки.
И какую б команду ни дали,
Ощетинившись, скалят клыки.
Смерть у них — и пастух, и подпасок.
Больше мёртвых — тем лучше вдвойне.
Жалко, что ли, сгустившихся красок?
Для экранов хватает вполне.
И в тумане воинственной гари
Слышен жалобный вой на луну.
Перед Богом мы равные твари.
Человек — друг собаке? Ну-ну!..

ХАСКИ

Я здесь вожак, неведомы мне ласки.
За старшего в упряжке — третий год.
Красив, как все в породе нашей — хаски.
Но я не против остальных пород.

Не избежала разногласий стая.
Мой грозный рык её не обуздал.
А дальше философия простая —
Наш человек куда-то опоздал.

Он хлещет нас словами, будто палкой,
Вперые показав свой жёсткий нрав.
Жизнь до того всегда казалась жалкой,
Тем более теперь, когда он прав.

И мы, сжав зубы, слепо повинуюсь,
Рвём из упряжки, словно из петли.
Закатами, восходами люблюсь,
Бежим к тому, что видит он вдали.

ПАЛАЧ

1

Мне на жизнь хватает чьей-то смерти.
В дни работы не мешает плач.
Сплю спокойно, вы уж мне поверьте,
Как и должен опытный палач.

Топором орудую умело,
Начинал на рынке мясником.
Неспроста предплечье онемело —
Я прилежным был учеником.

Мне знакомы все оттенки страха.
Стыд мне чужд, с ним топору — тускнеть.
От стыда пускай краснеет плаха.
От работы ей ли не краснеть?

День придёт — толпа меня полюбит.
Я не зря тут столько лет рублю.
Кто ж ещё так голову отрубит
Своему родному королю?

2

Топор с мечом и плаха наготове,
Но знайте, что я вовсе ни при чём.
Мне ненавистен запах свежей крови.
Меня народ назначил палачом.

Приходится в занятии постылом
Держать баланс меж горем и бедой.

Ведь после казни руки даже с мылом
Нельзя отмыть горячею водой.

Да что там руки! Душу не отмоешь.
Перед иконой — как перед стеной.
Всех убиенных разве ты отмолишь,
Когда Господь стоит к тебе спиной?

Пора в отставку! Хватит, настрадался!
Пойду топить сарказм в хмельном вине.
Покуда гром небесный не раздался.
Быть может, повернётся Он ко мне.

ФИТИЛЬ И ПЛАМЯ

Фитиль согнулся шахматным конём,
Дар Прометея взгромоздив на плечи.
Печаль его понятна: не о нём,
Слёз не жалея, горько плачут свечи.

Он потому и чёрен, будто ночь,
Служить которой кем-то был обязан,
Что сам светить всем страждущим не прочь,
Но вспыхивает пламя раз за разом.

Не понимает он, что чёрный фрак
Так выгодно заметен в жёлтом круге.
И то, что свет рассеивает мрак,
Поэты занесут ему в заслуги.

Без пламени замёрзнет и умрёт,
Но и оно без фитиля не может.
Кто эту связь движеньем губ прервёт,
Тот тайну тайн навеки уничтожит.

ЛУНА И ЗЕМЛЯ

— То ли вертимся, то ли летим,
Эй, Земля, отзовись-ка, соседка.
Очень редко живём, как хотим,
А хотим мы не так уж и редко.

Ты цветастое платье своё
Не меняешь на что-то другое.
И моё — далеко не новьё,
Ну так золото хоть дорогое.

По тебе кто-то бегаёт вновь.
Да стряхни их, чего ты жалеешь?
Боком выйдет такая любовь.
Из-за них ты всё время болеешь.

-Так и ты сохранила следы.
Отошла уж, Луна, от испуга?
И, смотри, не накликай беды,
Ведь они возвратятся, подруга.

ГОСПИТАЛЬ

Памяти хирурга А.И. Дзюбы

Лежать так не хочется, братцы,
В обнимку с больничным листом.
Порою не в силах подняться,
Поняв смысл слова «пластом».

Закусывать горькой таблеткой
Безвкусной микстуры глоток.
Расчерченный офисной клеткой,
Полдня изучать потолок.

Термометр греть то и дело,
От банок ходить в синяках.
Мишенью служить надоело
Для дамы со шприцем в руках.

Здесь всё по-военному просто.
Спасут, чем бы ты ни хворал.
А врач невысокого роста —
Почти боевой генерал.

РАНЕНАЯ ПТИЦА

А.П.

Ты — словно птица с перебитой лапкой,
Но жалость волей душишь на корню.
Походкой неуверенной и шаткой
Опять идёшь к «железному коню».

Макая крылья в грязь и понемногу
Смирясь с этой участью своей,
Вздыхая, молча смотришь на дорогу,
По скорости тоскуя всё сильней.

Однако чую, что решенье рядом.
Не скрыть озноба, мышц шальную дрожь.
Погладив круп (точней — багажник) взглядом,
Не к пассажирской двери ты идёшь.

За руль садисься, но мешают крылья
И не в лопатках боль, саднит в груди.
Отбрось же эти признаки бессилья,
Для костылей есть место позади.

Ты вновь на старте, впереди — свобода.
В руках есть силы, на душе легко.
И снова счастлив — такова природа.
Опять летишь, как птица, далеко.

ПРЕДЗИМЬЕ

По небу чинно проплывает
Куда-то журавлиный клин.
И солнце тихо остывает,
Как свежеиспечённый блин.

Декабрь уже не за горами,
А снега не было и нет.
Лишь вперемежку дождь с ветрами
Да под окном ольхи скелет.

Река ледовую ловушку
Привычно чувствует. И ждёт —
На остров в старую избушку
Вот-вот рыбак пешком пройдёт.

Завоют вьюги и метели.
Споют бураны и пурга
О том, как целые недели
Идут снега, снега, снега...

ПОЗЁМКА

Д.

Позёмка мне бросается под ноги,
Как старый верный пёс сторожевой,
И дальше пробегает вдоль дороги,
Попутно извергая дикий вой.

Вернувшись с облаками снежной пыли,
К хозяину подобострастно льнёт.
Давая знать, что зверя позабыли —
Никто не приласкает и не пнёт.

На задних лапах вверх приподнимаясь,
Заискивая, падает ничком.
Оскалив зубы, словно улыбаясь,
Стараясь хвост поймать, кружит волчком.

Но стихло всё. И ветер затаился,
Хотя гонял он снег, как только мог.
И старый пёс в щенка вдруг превратился,
Лежит, хвостом виляя, возле ног.

ВЕТЕР

Ветер — тревоги посланец —
Двери срывает с петель.
И приглашает на танец
Белую ведьму метель.

Жмётся к партнёру подруга.
Шепчет ему: — Дорогой.
Плачет обиженно вьюга,
Ветер гуляет с другой.

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

С трудом припоминают старожилы
Морозы те, что нынешним под стать.
В такие стынет кровь и стыннут жилы,
И нелегко на месте устоять.

Крещенские трескучие морозы!
За тридцать — хоть ворчи, хоть не ворчи.
Звенят окоченевшие берёзы,
Завидуя поленьям, что в печи.

Вздыхают перетруженные трубы —
Попробуй поработай на износ!
Прохожие поглубже жмутся в шубы,
Собака в будке лапой греет нос.

Чего бояться русскому народу?
Мехами заплатил он стуже дань
И нагишом, не проверяя воду,
Нырять в ледяную иордань.

ВЕСНА

Когда зима свои наряды сбросит
И в кашу превратится белый снег,
Придёт весна, ни у кого не спросит
Куда своих ручьёв направить бег;

Кого своим теплом согреть сначала
Иль, может, пополам его раздать.
А птице той, что встречу прокричала,
Позволит выше всех других летать.

Запомнит день, когда набухнут почки,
Мороз, что стукнет следом в ту же ночь,
И журавлиных стай косые строчки,
Домой летящих от чужбины прочь.

Ни у кого не спросит, разольётся
Огромным морем солнца и воды,
Которым вся земля опять напьётся
И белым цветом заметёт сады.

ЛЕДОХОД

Орех зимы дал трещину. И вот,
Скорлупки отдаляя друг от друга,
Вода в реке подтачивает лёд.
И треск такой, что слышит вся округа.

Промоины всё шире и длинней.
До горизонта — трещин паутина.
Через каких-то пару-тройку дней
Потянутся туда за льдиной льдина.

Казалось бы, бессмысленный исход.
В той толчее куда им торопиться?
Но у природы свой секретный код.
И с юга в край родной вернётся птица.

На крыльях принесёт с собой тепло.
Оно, тесня прохладу, разольётся.
От солнца станет всем светлым-светло.
И лёд уже, конечно, не вернётся.

ПОДСНЕЖНИКИ

Весна была давно не молодой,
Ручьи своей свободой упивались.
Разбуженные талою водой,
Ростки поближе к свету пробивались.

Подснежники. Им суждено цвести,
Когда весна почует неизбежность,
Того, что нужно душу отвести
И проявить оттаявшую нежность.

БЕРЁЗА

Берёза веткой тянется к окну.
Наверное, в стекло опять глядится,
Надеется, что кисть я обмакну
И подрисую ей зелёным листья.

Озябшая и скромная. Стоит
В объятых наметённого сугроба,
А он ей белым цветом портит вид
Подчёркивая бедность гардероба.

Ну чем же я помочь тебе могу,
Коль ты своим нарядом примелькалась?
Стоишь почти шесть месяцев в снегу.
Ты потерпи, немного ждать осталось.

Весна без объявления придёт
И заключит тебя в свои объятия.
Зелёную материю найдёт,
Чтоб не осталась летом ты без платья.

КАПЛЯ

Так и не выбрав места для посадки,
Моё плечо нашла ты наугад.
Знакомы мне подобные нападки,
Иным я был когда-то даже рад.

Твоё вторжение в личное пространство —
Очередной каприз в числе других.
Он так присущ рабе непостоянства,
Надеюсь, из намерений благих.

Ну, где была? Ведь подавал я руку.
Покорно раскрывал ладонь свою.
Вот и теперь, прислушиваясь к стуку,
Лицо подставив, преданно стою.

Ты в прошлый раз в плечо моё уткнулась,
Избрав покой без лишней суеты.
А про себя, наверно, улыбнулась,
Что от дождя ко мне сбежала ты.

КОНЦЕРТ

Простуженного ветра хриплый вой
По чердаку гуляет долгим эхом.
Ему нырять сквозь щели не впервой,
Наружу вырываясь громким смехом.

Поглаживая шифера волну,
Как клавиши старинного рояля,
Которому не жаль свою струну,
Когда порвёт её он, зубы скаля.

И, свистом заглушая всё вокруг,
Апофеоз концерта приближая,
Из труб победный извлекая звук,
Гудит, порой органу подражая.

Под властью запредельно низких нот
Испытываешь трепет и волненье,
Освобожденье от земных забот.
Запоминаешь дивные мгновенья,

Которые даны не просто так,
Когда просчитан путь до сантиметра.
Вот только ни за грош, ни за пятак
Не обрести нам вдохновенья ветра.

БАБЬЕ ЛЕТО

Ветер листья как карты тасует,
То разложит, то резко швырнёт.
Дождь на лужах мишени рисует
И по ним же сам каплями бьёт.

Бабье лето, увы, пролетело,
Не успев оправдать всех надежд.
И земли обнажённое тело —
В ожидании белых одежд.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

З.А.В.

Луна играла с облаками в прятки,
Из тьмы вставали тени в полный рост.
По позвонкам душа сбегала в пятки,
Когда ногой ступил на шаткий мост.

На парашете — парень без рубашки,
Но не его, а свой я слышу крик.
Он вскинул руки, будто снял подтяжки,
Расправил крылья и застыл на миг.

И я уже готов к его полёту.
Перекрестился: — Господи, прости!
Не сомневаясь даже ни на йоту,
Закрыв глаза и произнёс: — Лети!

Но шелест крыльев не звучал, однако.
Я развернулся, встал к нему спиной.
И сразу понял смысл сокрытый знака —
Мой верный ангел, как всегда, со мной.

ЛОШАДКИ

Одно и то же — каждый божий день.
Привыкли мы к совместному недугу.
Ты нам, хозяин, шоры хоть надень.
Бежим вперёд по замкнутому кругу.

Без них у всех кружится голова
И видно то, чего порой не надо.
Потом звучат крамольные слова,
Табун коварно превращая в стадо.

Нам обогнать друг друга не дано.
Летит вперёд шальная вереница.
Предназначение наше — лишь одно,
Но ипподром ночами всё же снится.

Мечтаем, что на волю убежим
Прочь с диска опостылевшей площадки.
Но бег свободный вряд ли достигим,
Мы — просто карусельные лошадки.

ТЫ ОБЕРНУЛАСЬ ...

Нечаянно лишился дара речи.
Он ни к чему, когда перед тобой
Такие восхитительные плечи
И нежный взгляд небесно-голубой.

Воздушное, прелестное создание!
Не удержался, оглянулся вслед.
Как приговор воспринял осознание,
Того, что опоздал на двадцать лет.

Когда всё было просто, даже мило.
Когда краснели девушки порой.
До самой свадьбы, как бы ни любила
Ходил в мечтах шальных её герой.

Ну, ничего. Пусть изменились нравы,
Ей путь вперёд со светлой головой.
Минуя встречи с губительной отравой, —
К любви прекрасной, вечной и живой!

Ты обернулась...

СИЛУЭТ

Л.

Я уловил в рассветной дрёме
Обрывки ласковых речей.
Твой силуэт в дверном проёме
На фоне солнечных лучей,

В которых греются пылинки.
Их блеск забавным ты нашла.
И по светящейся тропинке
Ко мне с улыбкой подошла.

И вот протягиваешь руку,
Мне шепчешь нежные слова.
Внимаю тающему звуку,
От счастья — кругом голова.

Но я боюсь пошевелиться,
Глаза зажмурил и молчу.
А вдруг мне это только снится?
Я просыпаться не хочу!

ЗВЁЗДЫ

Горит костёр, во тьме мерца,
Бросая искры в вышину.
И мы, всё это созерца,
Не нарушаем тишину.

Луна монетою из меди
Глядит с небес и из воды,
А рядом с нею, как соседи,
Расположились три звезды.

Две, что побольше, — мы с тобою.
А третья — маленькая дочь.
Она подарена судьбою,
На нас похожая точь-в-точь.

Но вот пробьётся лучик света,
И я скажу тебе тогда:
— Смотри, любимая, ведь это
Горит четвёртая звезда.

МОНОЛОГ ДОЧЕРИ

Владе

Мне девятнадцать роз в окошко передали.
Пусть тут не сцена, но поклонников полно.
Поставлю в воду, чтобы дольше увядали
И взмахом спрячу за кулисами окно.

Мой будуар сродни гримёрке театральной:
Здесь масок хватит хоть на тысячу ролей.
Мной с красотой подписан договор кабальный,
Я по нему должна быть с красками смелей.

И вот палитру я замешиваю густо.
Мне в новой маске в новый день идти пора,
Но не могу никак мазком добавить чувства,
Которым радовалась так ещё вчера.

Зачем у зеркала сидеть в плену обмана?
Пойду умоюсь: вот он — правильный ответ.
Наверно, мне на эту сцену слишком рано.
Кому-то поздно даже в девятнадцать лет.

ГИТАРА

Верните голос, если вам не трудно.
Верните встречи в дружеском кругу.
Молчать всё время — как же это нудно!
Стоять в углу я больше не могу.

Колки погнуты, струн осталось мало.
Про гриф совсем отдельный разговор.
Вот потому-то голоса не стало
Теперь и не скажу, с которых пор.

Спасибо детям: иногда играют.
Пусть не по нотам и всегда не в лад.
Зато бесплатно пыль с меня стирают
Внося в искусство свой посильный вклад.

Но я скучаю самой чёрной скукой
По одному лишь (и порой до слёз!) —
Тому, кто подружил меня с разлукой,
Но с БАМа очень бережно довёз.

СВЕРЧОК

Опять сверчок в ночи терзает скрипку,
Обиду затаив на белый свет.

Не может он, поди, простить ошибку:
Ведь в нашем доме русской печки нет.

И где его шесток, сверчок не знает.
Печаль свою пытаюсь мне излить,
Ещё сильней смычок в струну вонзает,
Как будто хочет сердце распилить.

И вдруг замолк, не издаёт ни звука.
И в доме воцарилась тишина.
Но для сверчка она, наверно, мука,
А потому и мне претит она.

Молчит, не откликается на голос.
Да, видимо, не выдержал смычок.
Ну что, Пегас, рвану из гривы волос?
Не может жить без музыки сверчок!

РЕКРУТ

Не для наград, сверкания погон
Судьба мой путь столь круто изменила.
Меня призвали в славный легион:
Оружие в нём — перья да чернила.

Я горд быть здесь последним рядовым,
Врага атаки первым отбивая,
Мотаясь вечно по передовым,
Однако и про жезл не забывая.

Всегда лежит он в ранце за спиной,
А рядом с ним — готовая страница.
Меня боятся враг и друг иной.
И даже маршал иногда боится.

Я рекрут, не считаю лет и дат!
И воевать готов я до упада.
Я верный этой армии солдат.
Ни пенсий мне, ни дембеля не надо!

СЛОВА

Не хочется опять искать слова,
Пусть, наконец, они найдутся сами.
И сразу просветлеет голова,
Работавшая до сих пор часами.

Пускай слова не ведают преград,
Перо перенесёт их на бумагу.
Рукою твёрдой действовать я рад,
Чтоб утолить безудержную тягу!

И ляжет предо мной красивый стих,
И всё мне будет в нём до дна понятно.
Что пыл душевный не угас, не стих,
Что лишь вперёд и нет пути обратно.

Пусть будет предсказуемым конец,
На это шансы есть — и неплохие.
Чтоб стало легче тысячам сердец,
Но где же их найти, слова такие?

ГОСТИ

Постучали, я открыл и впустил.
Я всегда своим гостям рад,
Даже тем, кто никогда не гостил.
Говорят: мол, мы — стихи, брат.

— Проходите в кабинет, здесь темно.
Залежался на столе лист,
Вы заглядывали очень давно,
Слишком долго он без вас чист.

Вы уходите, как я погляжу.
И куда спешим в этот раз?
Ну, пойдёмте, до дверей провожу.
Обойдусь пока парой фраз.

— По гостям мы ходим ночи и дни,
Но не стоит нас осуждать.
Вас так много на Земле. Мы — одни.
— До свиданья, я готов ждать.

МУЗА

Венок из лавровой листвы
Не раз и не два обещала,
Но я не склонял головы —
Стоял на своем и молчал.
Смеялась, конечно, увы,
Но это меня не смущало:
В узорах словесной канвы
Прорехи и сам замечал.

У музыки природа своя,
Угнаться за ней невозможно.
Порхнёт, но успею ли я
Понять её тонкий намёк?
Пишу, ничего не тая,
Кто знает, что это так сложно,
Надеюсь, поддержит меня.
Иным не поставлю в упрёк.

Но вот в настроенье она,
Я тоже не против союза:
Заполню пробелы сполна
И буду умеренно рад.
Скажи, почему так скромна,
Сестра моя, милая муза?
Да просто ты слишком умна,
А я...Ну какой же я брат?

ВСТРЕЧА

Ч. и П.

Друг друга они не хвалили,
Всё было понятно и так.
За тостами горькую пили
И горький, как тосты, коньяк.

И прочих почти не ругали,
Лишь тех, кто душою кривят.
Да тех, что бессовестно лгали,
Но руку пожать норовят.

— Не будем о грустном, дружище!
Живи с непожатой рукой.
— А может, есть рифмы? — Да тыщи!
— Не хвастай, я тоже такой.

Сверяя тождественность мнений,
Две рюмки встречаются вдруг:
— Послушай, друг мой, да ты — гений!
— И ты тоже гений, мой друг!

ПОЭТЫ

Поэты — люди бедные
И потому голодные.
Не за копейки медные
Приходится писать.
Писать о том, что хочется,
Слова свои свободные
От власти и от общества.
Писать вам — не плясать.

Поэты — люди гордые.
Не потому, что вредные,
А потому что твёрдые,
Но лучше их не злить.
Ведь их родного общества
Традиции победные
Сумели в муках творчества
Характер закалить.

Поэты — люди трезвые.
Их идеалы — правые.
Но даже тем, кто резвые,
Толпу не изменить.
Грехи за кем-то значатся,
Но мысли смогут здравые
Помочь всем, кто артачится,
Поэзию любить!

ГРАНИ

Больной вопрос у матушки России —
Когда же русский люд закончит пить?
Признаться надо: так давно спросили,
Что той поре пора бы наступить.

Риторiku используя привычно,
Пытаясь путь найти из тупика,
Непьющие желают, как обычно,
Свалить всё на простого мужика.

Ведь он, мол, непомерно водку глушит,
Судьбе давая повод для гримас.
Тем, что горит, пожар душевный тушит,
Чтоб заглушить тоску в который раз.

И пусть порой не обойтись без брани.
Легко, как водку, чувства расплескать.
Не просто так даны стакану грани.
Ещё на них бы трезвость отыскать.

В КОПТЕВКЕ

*Славе и Марине Бибиковым,
Саше и Ирине Пименовым*

До Коптевки — недолгая дорога.
И, как обычно, на исходе дня
Встречают у знакомого порога
Друзья, подруги — добрая родня.

Споют за здоровье гостя дорогого:
Мол, «к нам приехал». Чарочку нальют.
Ты выпьешь, громко скажешь: — Ну, здорово!
Но более одной пока не пьют.

Шашлычный дух раздражит всю округу,
Мы под него приступим к питию.
И будем вновь рассказывать друг другу
Про дружбу неразлучную свою.

И грянет песня русского застолья.
И полдеревни выбежит во двор.
Закрестится с испуга баба Оля,
И солнце упадёт за косогор.

Остынет баня. И не раз за вечер.
В нестройное брэнчание гитар
Вольются песни про любовь и встречи,
Включая весь иной репертуар.

Всё это будет длиться бесконечно —
До самого-пресамого утра,

Когда в бессильи все уснут беспечно.
Но тут уже проснутся повара.

Уха тройная, слабые напитки,
Рассольчик за хозяина стола.
Вспотевшего мороженого слитки
Вернут задор в размякшие тела.

Потом купанье в мелкой местной речке
До холода щемящего в груди.
И разговоры-вздохи на крылечке
О том, что расставанье впереди.

Которое, конечно, неизбежно
И от него себя не убережь.
Вот потому-то так тепло и нежно
Мы говорим друзьям: — До новых встреч!

«ФОМКИН САД»*

Памяти Артёма и Жени

Не въедете вы больше никогда
В ворота эти.
Без вас прошли не месяцы — года
На белом свете.

Ни смех до вас не долетит, ни крик,
Ведь время ваше
Давно стоит, застыв. Вы ни на миг
Не стали старше.

На сердце раны — поперёк и вдоль...
Как ножевые.
Не больно вам, к чему вам эта боль?
Она с живыми.

Без вас, увы, пройдут мои года.
И чем восполню?
Не встанете вы больше никогда,
Но я вас помню.

* Одно из кладбищ Сызрани.

САМАРСКИЙ ВОКЗАЛ

Купил в Самаре я до Сызрани билет.
Да не в СВ, а на простую электричку.
Я на вокзале этом не был тыщу лет!
И, побывав, решил: сменю-ка я привычку.

Такой красавец из бетона и стекла!
Он тьму народа переваривает быстро.
Волна людская накатила, потекла...
Вмиг схлынула, и на фарватере всё чисто.

Вдруг надвигается как в шторм девятый вал —
Призывники бегут к присяге и погонам.
Но волнорезом быть вокзал не уставал —
Опять расплёскивал народ по всем вагонам.

Скучать не будет он ни по кому из вас
Ни в понедельник, ни во вторник и ни в среду.
Всё потому что заскучает он сейчас.
А как иначе-то?! Ведь я сейчас уеду.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Я в электричку запрыгнул в Самаре
И тесноту растолкал без обид.
Парень под ухом бренчит на гитаре.
Подозреваю: он ею был бит.

Дядька в вагон пробирается с ёлкой,
Стянутой туго обычным жгутом.
А из наушников девочки с чёлкой
Что-то гремит, не по-русски притом.

Слышу: бери, а дешевле — лишь даром!
Плюньте в глаза, если кто-то здесь врёт!
Прут коробейники с мелким товаром —
Тем, на который никто не клюёт.

Тащат варенье — клубника и слива.
Вкусно, полезно, рецепты просты.
Дед под баян спел нам песню тоскливо.
Денег бы дать, да карманы пусты.

Женщина сына привычно качает,
И, от движений ничуть не устав,
Дальше качает и не замечает,
Что опрокинуть готова состав.

Щуку проносит рыбак по проходу,
Значит, в Обшаровке славно клюёт.
Мост через Волгу — все смотрят на воду,
Хоть в эту пору должны бы — на лёд.

Ёлка в Октябрьске вышла неспешно,
Следом — спешащий хозяин сосны.
Нет ему разницы, знает, конечно:
Той и другой не дожить до весны.

Вон уж и Сызрань огнями мигает,
Не сомневаюсь: не мне одному.
То приближается, то убегает.
Дай же, родная, тебя обниму!

Содержание

<i>Евгений Чепурных. И бог ему попутчик!</i>	3
Дождь	4
Сон.....	5
Запах эпохи	6
Солдат	7
Воспоминания штрафника	8
Неизвестные солдаты	10
Знамёна	11
Дорога	12
По-русски	13
История	14
Зов	15
Казак.....	16
Даль	17
У распутья	18
Совесьть	19
Внутренний голос	20
Спустя год	21
Псы	22
Хаски	23
Палач	24
Фитиль и пламя.....	26
Луна и земля.....	27
Госпиталь	28
Раненая птица	29
Предзимье	30
Позёмка	31
Ветер	32
Крещенские морозы	33
Весна	34
Ледоход	35
Подснежники	36

Берёза	37
Капля	38
Концерт	39
Бабье лето.....	40
Ангел-хранитель	41
Лошадки	42
Ты обернулась	43
Силуэт	44
Звёзды	45
Монолог дочери	46
Гитара.....	47
Сверчок	48
Рекрут	49
Слова	50
Гости	51
Муза	52
Встреча	53
Поэты	54
Грани	55
В Коптевке	56
«Фомкин сад».....	58
Самарский вокзал.....	59
В электричке.....	60

Литературно-художественное издание

Илья Олегович Портнягин

НЕ КОНЧАЕТСЯ ДАЛЬ

Стихи

Редактор-составитель — *О.А. Портнягин*

Издание подготовлено

Творческим объединением «Русское эхо»

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 25.08.2018.

Формат издания 60х90/16.

Объём 4,0 печ.л. Гарнитура Georgia.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии

ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;

тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru